

© 1994 г.

Н.П. ВАСИЛЕНКО

АКАДЕМИК БОГДАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСТЯКОВСКИЙ*

Мы уже знаем, что Б.А. Кистяковский с большим уважением относился к М.П. Драгоманову, и что в молодые годы его общественные взгляды складывались в значительной степени под влиянием Драгоманова⁶. Такое отношение сохранилось у Б.А. на всю его жизнь. Как только появилась возможность, он фазу же поставил на очередь издание политических трудов Драгоманова, сам собирал деньги для этого и принимал активнейшее участие в редактировании и издании политических сочинений, которые были написаны Драгомановым по-русски и опубликованы за границей.

Работа над этим изданием навела на другую цель — издать все политические сочинения Драгоманова: и опубликованные за границей, и изданные в России, поскольку, как известно, Драгоманов много печатал под псевдонимами и в российских подцензурных журналах. Издание должно было выйти под редакцией профессора И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского и включить в себя и прежние заграничные издания. «Настало время, — писали редакторы в предисловии к первому тому, — вернуть русской литературе утраченное ею драгоценное достояние. Только тогда, когда вся совокупность сочинений Драгоманова будет собрана в доступном издании, российское общество будет иметь возможность пользоваться богатым наследием, которого оно лишилось, и почерпнуть обильные зерна для своего развития политического познания из его глубоко продуманного, научно обоснованного, гуманного и прогрессивного мировоззрения».

Уже в то время, когда Б.А. Кистяковский работал над редактированием заграничного издания, он собрал материалы и статьи для издания полного собрания трудов Драгоманова <...>

«Политические сочинения» М.П. Драгоманова были рассчитаны на четыре тома, которые должны были включить все статьи, написанные Драгомановым по-русски; политические статьи на украинском языке должны были составить отдельный, пятый том. Однако дело фактически ограничилось изданием первого тома. Видный московский книгоиздатель И.Д. Сыгин согласился издать «Политические сочинения» и выпустил первый том. Но вскоре увидел, что издание расходуется довольно медленно. По этой причине он под всякими предлогами стал затягивать дело и в конце концов совсем отказался от дальнейшего издания⁷. Б.А. передал Сытину

*Окончание. Начало см. в №№ 2,4,1994.

⁶ В издания Ивана Франко «М. Драгоманов. Письма к И.Франко и другом (1887—1895)» (Львов, 1908, на укр. яз.) помещены два ответных письма М.П. Драгоманова к Б.А. Кистяковскому из Софии (Болгария): первое написано 1/13 ноября 1889 г. сразу же по освобождении Б.А. из тюрьмы (№ 96, с. 160—164), когда Б.А. еще находился во Львове, второе — 1/13 февраля 1895 г. в ответ на сообщение Б.А. о том, что он приехал в Берлин учиться (№ 164, с. 295—298). Это последнее письмо весьма интересно, поскольку содержит критику со стороны Драгоманова тогдашних взглядов Б.А. Кистяковского, который, имея множество друзей среди поляков в Дерпте, приехал в Берлин большим полюфилом. <...>

⁷ Русская мысль. 1911. Кн. XI. С. 129.

подготовленный материал на все тома. Сытин его не вернул, и материал, собранный с таким трудом, по-видимому, погиб в типографии или у самого Сытина во время революции.

В первом томе издания, вышедшем в свет, помещена большая статья Б.А. «М. П. Драгоманов: его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь». Это был переработанный и дополненный очерк, который ранее опубликован как предисловие ко второму тому заграничного издания «Политических сочинений»^{47*}.

Б.А. Кистяковский никогда не переставал интересоваться деятельностью Драгоманова. Когда вышли в свет письма Драгоманова к Франко и Павлику, он посвятил им в «Русской мысли» специальную статью «М.П. Драгоманов по его письмам» (1911. № IX) в которой подчеркнул значение писем для истории украинского движения. В примечании к этой статье Кистяковский впервые выступил с возражениями покойному В.Я. Богучарскому (Яковлеву)^{48*} по поводу неправильного освещения Драгоманова как редактора «Вольного Слова» и его отношения к Земскому Союзу.

Б.А. давно уже изучал историю распространения конституционных идеи и конституционного движения в России⁸. По этой причине книга Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия "Народной воли", ее происхождение, судьбы и гибель» обратила на себя его особое внимание. Задавшись целью выяснить роль Драгоманова в конституционном движении того времени, Б.А. серьезно принялся за дело по собиранию материалов об этом. Он собирал их не только в России, но и за границей, во время своих поездок туда. С той же целью он вел обширную переписку со вдовой Драгоманова, которая тогда еще была жива, а также с различными деятелями: Мих. Павликом, В.К. Дебогорием-Мокриевичем^{49*}, А.А. Русовым, В.Я. Богучарским и др. Материал разросся. Сначала Б.А. думал ограничиться статьей в журнале, однако исследование вылилось в целую книгу объемом в 131 с. «Страницы прошлого», которая была опечатана в Москве в 1912 г. отдельным изданием на средства брата Б.А. — И.А. Кистяковского⁹. В книге^{50*} много места отведено Драгоманову.

Она интересна, между прочим, и с той точки зрения, что свидетельствует об интересе Б.А. к собиранию материалов о прошлом.

Б.А. стремился собрать как можно больше материала по истории украинского движения и настаивал, чтобы такие деятели как Е.К. Трегубов, В.П. Науменко писали свои мемуары. К сожалению, это не осуществилось. Б.А. Кистяковский был также одним из первых, кто начал собирать материалы по истории революционной России. Он понимал, что сложные и бурные времена, которые ему довелось пережить, потребуют очень энергичного собирательства, так как только имея в своем распоряжении самый полный и самый разнообразный материал, историк сумеет правильно и беспристрастно оценить и понять события революционных лет. Поэтому с первых дней революции Б.А. начал собирать воспоминания и продолжал эту работу до самой своей смерти. К сожалению, от его собрания сохранилось очень немного, да и то, что сохранилось — не самое главное. Главная же и большая часть собранного им

⁸ Кистяковский Б. Страницы прошлого. С. 1.

⁹ «Простите, — пишет Б.А. В.П. Науменко 18 января 1912 г., — что я не ответил на предыдущие письма. Но, по получении Вашего письма я немедленно выехал, согласно ранее составленному плану, в загородный монастырь для отдыха и работы, а почта оттуда идет только с оказией. Затем со мной случился курьез: я взялся написать для "Украинской жизни" статейку в защиту Драгоманова и в опровержение измышлений Богучарского, мне казалось, что это можно осуществить в одном печатном листе. Но в результате вышло, что я над нею просидел вдвое больше, чем предполагал, и вместе с материалами, которые мне надо перепечатать, у меня вышло пять печатных листов. Конечно, полемическую статью в пять печатных листов почти невозможно пристроить в каком-нибудь журнале. Поэтому я решил пустить в "У <краинскую> жизнь" отрывок из моей статьи, так как целиком ее напечатать нельзя, но одновременно выпускать мою статью в виде брошюры. Расходы по ее изданию я попросил взять на себя Игоря Александровича. Все это отняло у меня столько времени, что я и не мог Вам написать, тем более, что сдал свою рукопись в набор только несколько дней тому назад».

материала пропала во время его отсутствия из Киева по причине чрезвычайной пугливости тех, у кого эти материалы хранились.

Собирание материалов по истории революции и революционного движения в России в конце концов превратилось у Б.А. в страсть. Он ничего не мог пропустить, хотя бы это и угрожало ему неприятностью. В Москве через несколько дней после переворота 1917 г., он как-то увидел на стене постановление Временного правительства. Такого постановления еще не было в его собрании. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто не видит, он начал осторожно отдирать объявление. Вдруг слышит — свисток, крики: «Держи его!» Оказалось, что извозчик увидел, как Б.А. отдирал листок; тотчас же сказал об этом милиционеру, а тот начал свистеть. Собралась толпа, довольно враждебная ко всем, кто срывает объявления. Б.А. повели в районное отделение. Среди милиционеров оказался один из студентов Коммерческого института, где Кистяковский читал лекции, однако он профессора не знал. Б.А. показал свою визитную карточку. Ничто не помогало. По пути в отделение среди толпы начались довольно угрожающие разговоры, что это — немец, немецкий шпиик, с такими, говорят, нужно расправляться на месте и т.п. К счастью, по пути, недалеко от участка, который находился на Смоленском рынке, встретился «вольнопределяющийся» — бывший слушатель Б.А. Он был страшно удивлен, увидев Б.А. арестованным, вмешался в это дело, но вызволить Б.А. сразу оказалось невозможно, т.к. толпа была очень возбуждена. Кистяковского все-таки отвели в отделение и отпустили лишь тогда, когда все разошлись. Все это длилось несколько часов. Дома, когда Б.А. не пришел в обычное время, начали волноваться. Жена его звонила знакомым, в районные отделения, но найти Б.А. не могла нигде, пока он не вернулся сам.

Другое происшествие случилось с ним в Киеве. Это было в 1919 г., когда в Киев вошли денкинцы. Толпа крушила бюсты деятелей и рвала портреты, которые стояли на улицах. На углу Большой Васильковской и Караваевской улиц еще был неунничтоженный большой портрет Шевченко. Б.А. решил спасти его и отнести в Академию наук. Но портрет был слишком большой и тяжелый. Б.А. один не мог его донести и обратился за помощью к проходившему мимо студенту. Но студент категорически отказался: он «не желает помогать грабежу». Только когда Б.А. объяснил, кто он и о чем идет речь, студент охотно помог ему. Узнав опять, что на Царской площади стоит целый бюст Шевченко, Б.А. кинулся туда. Но было уже поздно: бюст был разбит.

XI

В общем мировоззрении Б.А. Кистяковского заметную роль играло его отношение к украинству и украинскому вопросу. Эта сторона его мировоззрения развивалась органично. С украинским движением он был связан и своими родственными отношениями, и тем участием, какое принимал в молодежных кружках в годы юности. Возможно, если бы студенческие годы Б.А. прошли более спокойно, и он остался бы в Киеве, окончил Киевский университет и имел бы постоянные связи с украинскими кружками, его отношение к украинскому вопросу имело бы больше сходства с характером того или иного кружка или направления. Но не следует забывать, что Б.А. был рано оторван от Киева и от той почвы, на которой в 1890—1900-х гг. развивалось украинское движение. Долгое пребывание в Дерпте, в Германии, далеко от Украины и украинских общественных течений не могло не отразиться на Б.А. Никогда не теряя интереса к украинскому движению в широком смысле слова, Б.А. обстоятельствами всей жизни долго оставался в роли стороннего наблюдателя, а не активного участника украинского движения. Всякий раз, как мне доводилось с ним встречаться, — будь то во время его приезда в Киев, или в Москве и Петербурге, — главным центром наших бесед была информация об украинском движении в Киеве. Он учинял мне настоящий допрос, со всеми подробностями, что

свидетельствовало о том, насколько украинское движение было ему интересно и близко.

Обстоятельства жизни отдалили Б.А. от центра украинского движения — Киева; эти же обстоятельства привели к тому, что Б.А. был далек от украинских деятелей начала 1900-х годов. Между ними не раз возникали недоразумения. Когда в Париже вышли «Политические сочинения» Драгоманова, в одном из украинских журналов появилась критическая заметка, автор которой — известный писатель, — обратившись к вступительной статье Б.А. Кистяковского, обвинил его в том, что Б.А. якобы хочет зачислить Драгоманова в лагерь российских либералов. Это было абсолютно неверно¹⁰ и являлось либо недоразумением, либо полемическим приемом, необходимым для партийных целей. Такое отношение очень оскорбило Б.А. Он все собирался написать ответ, но сделать это так и не удалось, так как В.П. Науменко, редактор «Украины», к которому Б.А. Кистяковский обратился с просьбой предоставить ему место для письма в редакцию, не ответил Б.А. С другой стороны, Б.А. не все понимал из того, что происходило, и не разделял направления украинской печати. «Слезу за украинскими делами, — писал он мне 23 апреля 1907 г. из Москвы, — по "Раде", "Литер, науч. Вести." и "Украине" и не нравится мне узкая националистическая постановка этого дела. В украинском движении нет теперь места Драгомановщине, т.е. культурному общеевропейскому течению. Все это затхлая российщина навыворот».

Эти недоразумения послужили причиной того, что Б.А. Кистяковский до своего приезда в Киев стоял как бы в стороне от внутреннего украинского движения. Находясь в Москве, он главным образом обращал внимание на отношение к украинству российских интеллигентских кругов и работал больше в направлении ознакомления этих кругов с украинским движением, а также боролся за легализацию движения и его признание. Таковую линию он вел и в украинской секции Московского Товарищества Славянской культуры. Когда у членов этой секции возникла мысль издавать «Украинскую жизнь» на русском языке главным образом для того, чтобы знакомить русских читателей с украинским движением, то в лице Богдана Александровича эта мысль нашла одного из самых горячих адептов. Он с самого начала принимал ближайшее участие в редактировании, писал статьи под псевдонимом Хатченко (от села Хатки, где иногда проводил лето Б.А. на даче своей жены и ее сестры), доставал деньги на издание журнала, чаще всего у своего брата Игоря Александровича, видного московского адвоката, который всегда за свой счет покрывал дефицит журнала. В последующие годы случались недоразумения между Б.А. и редколлегией, но они носили, по-видимому, не идейный, а больше личный характер.

В январской книге «Русской мысли» за 1911 г. в своих заметках «На разные темы» редактор журнала П.Б. Струве по поводу статьи В.Е. Жаботинского «Еврейство и его настроение» безапелляционно предрешал отношения между русской и украинской культурами в направлении полной нивелировки украинства. В ответ на заметку Струве в майской книге того же журнала появилось письмо в редакцию под названием «К вопросу о самостоятельности украинской культуры» за подписью

¹⁰ В другом месте Б.А. Кистяковский так пояснял значение Драгоманова в российском конституционном движении: «В конце семидесятых и начале восьмидесятых годов прошлого столетия... русские конституционалисты не выдвинули ни одного крупного публициста, который мог бы, сделавшись эмигрантом, заявить о их стремлениях в заграничной прессе. В конце концов... им пришлось обратиться к украинцу М.П. Драгоманову. Но если для Драгоманова дело русской конституции было своим, то для русских конституционалистов его украинское дело было совершенно чужим. К тому же Драгоманов, по его собственному признанию, выдвинул в русском конституционном движении путем своей энергичной работы элементы более близкие к украинству и способствовал атрофированию в нем всего более далекого от украинства. Действительно, у всех русских конституционных программ, политическая программа Земского Союза заключает в себе наибольшее количество федералистических элементов» (Кистяковский Б. Страницы прошлого. С. 118).

Украинец. Это было письмо Б.А. Кистяковского¹¹. С него началась та бесконечная полемика против Струве, которая велась в прессе несколько лет^{51*}.

Исходя из того, что «историческая судьба навсегда связала украинский народ с великорусским, а также бесповоротно разъединила его с другими соседними народами, главным образом, с польским», *Украинец* подчеркивает значение российской культуры для украинского народа. Однако вместе с тем он отмечает, что интересы украинского народа требуют развития своей самобытной культуры, и границы ее могут установить только жизнь и история. Казалось бы, российское общество должно принять это во внимание. А между тем, если проанализировать последние пять лет, то придется признать, что общей чертой, характеризующей отношение российского общества к украинству, является совершенно неприкрытый эгоизм. Но тем не менее, «если стремление Украины к собственной самобытной культуре дело Божье, то никакие земные силы его не одолеют».

В январском номере «Русской мысли» 1912 г. должен был появиться ответ Струве на статью Кистяковского. С согласия Струве, который вообще заботился о том, чтобы его статьи не остались без ответа, Б.А. достал корректурные листы статьи Струве «Общерусская культура и украинский патриотизм» раньше, чем книжка вышла в свет, и сразу же приступил к обдумыванию, кто бы мог написать ответ. Б.А. остановился на В.П. Науменко. «Необходимо, - писал он ему, — дать ответ Струве и читателю, чтобы это было сделано людьми авторитетными и придерживающимися более разумных взглядов». Получив от Науменко статью, Б.А. был очень доволен ею и писал Науменко 18 января 1912 г.: «Только что получил Вашу статью и, прочитав ее, сдал в набор. Я положительно в восторге от Вашей статьи. Вы написали именно так, как мне хотелось, чтобы был написан первый ответ Струве. Ваши аргументы настолько вески, что Струве очень трудно будет справиться с ними. Очень мне нравится и весь тон Вашей статьи. Из молодежи, конечно, никто так не сумел бы написать». Статья В.П. Науменко за подписью *Старый Украинец* появилась в январском номере «Украинской жизни» за 1912 г. под названием «Украинский книжный язык и общерусская культура».

Позиция, занятая «Русской мыслью» по отношению к украинскому вопросу, привела к тому, что Б.А., который был постоянным сотрудником журнала с того времени, когда его редактором стал П.Б. Струве, теперь перестал помещать там свои статьи, так как в журнале возобладали национализм (статьи Б.П. Струве, Муратова и др.). Позже, в 1915—1916 гг. порвались и личные отношения между Б.А. и П.Б. Струве, с которым его связывала давняя и тесная дружба еще со студенческих лет. Причины этого разрыва объясняет статья Б.А. Кистяковского «Что такое национализм?» в журнале «Национальные проблемы», который короткое время выходил в Москве в 1915 г.^{52*}. Б.А. различает в этой статье два вида национализма. Один исходит из нации как целого, рассматривает нацию как личность; он всегда при определенных условиях будет приводить к отрицанию за другими тех прав, которые отстаивает для себя. Другой — это национализм, который борется за права народных масс. Только он способен не изменить принципу равноправия и одинаковой для всех свободы. Такой национализм всегда остается верным демократии и прогрессу (№ 1, с. 5). Первый национализм культивируют немцы. Как догадывался еще сорок лет тому назад Драгоманов, у нас представители державной национальности обычно заимствуют этот

¹¹ В письме к В.П. Науменко из Москвы от 24 декабря 1911 г. Б.А. просит его написать ответ Струве и далее пишет: «...Я лично не могу отвечать Струве в "Украинской жизни", так как статья в "Русской мысли", подписанная *Украинец*, написана мною. Ваша догадка относительно моего авторства была правильна и, хотя многие другие тоже считают меня автором этой статьи, я, все-таки, хотел бы формально сохранить свое инкогнито, а потому прошу Вас никому не сообщать о том, что я признаю эту статью своею. Пишу Вам об этом для того, чтобы сообщить, что мне придется отвечать Струве в "Русской мысли" под тем же псевдонимом. К сожалению, и Струве не соглашается поместить моего ответа в февральской книжке "Русской мысли" и даже говорит, что должен напечатать раньше статью по украинскому вопросу Мих. Могилянського, которую он заказал раньше поступления в редакцию моего письма за подписью *Украинец*».

национализм у немцев. «Теперь мы освободились от "внешнего немца", но "внутренний немец" в нас еще силен. Наиболее яркий представитель этого "внутреннего немца" в литературных кругах, П.Б. Струве, призывает даже российское прогрессивное общество показать свое "национальное лицо угнетенным национальностям"».

Несмотря на это, Б.А. никогда не терял надежды найти с российскими кругами общий язык по украинскому вопросу, постоянно спорил и беседовал на эти темы. Кажется, в 1915 г. уже во время войны, осенью киевляне-украинцы предприняли попытку проинформировать некоторые московские либеральные круги относительно положения украинской культуры, положения Галиции, которая была в то время в культурном отношении тенденциозно разгромлена российской военной администрацией, а некоторые галичане и среди них митрополит Шептицкий, были сосланы кто в Сибирь, кто по разным городам и весям. В поездку в Москву по этому делу отправились В.П. Науменко, А.В. Никовский и я. Нужно было видеть, какое горячее участие принимал Б.А. Кистяковский в организации наших собраний: он не только сам присутствовал на них, не пропустив ни одного, но также старался, чтобы этих собраний было как можно больше и чтобы как можно больше народу присутствовало на них. Насколько помню, мы вели тогда переговоры у А.Р. Ледницкого с автономистами-федералистами, в редакции «Русских ведомостей» — со всем составом редакции; было также собрание в Товариществе славянской культуры, у покойного В.П. Обнинского на Моховой и у брата Б.А. Игоря Александровича на Мясницкой. Из украинцев, кроме нас, в некоторых собраниях принимал участие еще и А.Ю. Крымский. Но Б.А. бывал на всех собраниях и, организуя их, старался, чтобы в разных местах собиралась разная публика, чтобы таким образом проинформировать как можно больше людей.

Переезд Б.А. в Киев в 1917 г. и пребывание его здесь поставило Б.А. перед украинским движением в его не только культурном, но и политическом аспекте. Человек, всегда захваченный научными интересами, Б.А. не мог остаться в стороне от тех событий, что происходили на Украине, и он принимал в них то или иное участие. Назовем хотя бы его реферат «Закон об украинском гражданстве», который он прочитал 9 апреля 1918 г. в Юридическом обществе при университете св. Владимира. Реферат вызвал очень интересный обмен мнениями, в котором принимали участие профессора и общественные деятели.

Этот период в деятельности Б.А. весьма интересен для характеристики перемены его общественных взглядов под влиянием текущих событий жизни и для характеристики направления его общественной деятельности. Но мы ставили своей целью осветить главным образом научную деятельность Б.А. Поэтому и не касаемся этого периода его жизни, к тому же полагаем, что для его правдивой истории еще не настало время.

Перевод с украинского и примечания В.В. САПОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

^{47*} Речь идет о двух изданиях сочинений М.П. Драгоманова: 1) Собрание политических сочинений. Т. I—II. Париж, 1905—1906; 2) Политические сочинения. М., 1908.

^{48*} Богучарский В. (псевдоним Яковлева Василия Яковлевича, 1861—1915) — историк революционного движения в России. В 1909 г. был выслан из России, куда вернулся в 1913 г.

^{49*} Дебогорий-Мокриевич Владимир Карпович (1848—1926) — русский революционер-народник. В 1879 г. был приговорен к каторжным работам в Сибири на 15 лет, но в том же году бежал с каторги, а в мае 1881 г. уехал за границу. В Швейцарии в 1887—1889 гг. участвовал в издании газеты «Самоуправление», в 1888—1889 гг. — журнала «Свободная Россия».

⁵⁰ Полное название книги: *Кистяковский Б.* Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России. (По поводу книги: *В.Я. Богучарский.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, IV+483. М., 1912.) П.Б. Струве ответил Кистяковскому статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм» (Русская мысль. 1912. Кн. 1).

^{52*} Национальные проблемы. Двухнедельный журнал. 1915. № 1 (май). С. 3—5.